«ГРОЗА ДВЕНАДЦАТОГО ГОДА»: О РЕСУРСАХ И КОНСТРУИРОВАНИИ ПРОШЛОГО И БУДУЩЕГО

2012 год объявлен Годом российской истории – и вот уже в сети Интернет появились публикации, авторы которых в очередной раз (но, возможно, в первый раз для самих себя) открывают «мистику цифр» в циклах отечественной истории.

Но, полагаю, дело не только (а порой и не столько) в как таковом обнаружении знаковых политических (экономических, культурных и т.д.) событий примерно равного масштаба с «шагом» в 100 лет (в этой связи следует заметить, что суперпозиция – наложение и взаимное усиление или ослабление множественных факторов – физических, экономических, политических культурных и проч. процессов[1] – неизбежно должна приводить – и приводит – к «размыванию» примитивной математической последовательности, и в нашем случае корректнее было бы выделять события, приходящиеся на десятые годы каждого столетия, – хотя с этой точки зрения можно говорить и о 40-х, и о 60-х, и о 80-х годах в российской истории). Дело – даже если ограничиться именно и только сферой социального (и рамками эпистемы Нового времени) – заключается в том, что явления и процессы, знаменующие собой поворотные вехи политической истории – и отдельного государства, и мирового сообщества, – равно как и любые феномены (любая природная и социальная реальность), опосредуются сознанием в качестве объекта мысли (ноумена), «При таком понимании эволюция… материи есть не что иное, как приобретение ею все новых и новых смыслов...»[2] и пониманий, множественность которых обусловливает (как это было показано еще Лейбницем) множественность онтологий мира, в нашем случае – мира политического.

Политическая история в этом смысле разворачивается перед нами во всем многообразии взаимодействий политических центров, сила которых определялась и определяется наличием ресурсов (осознаваемых в качестве таковых территориальных, демографических, ископаемых, административных и проч. условий и факторов обеспечения субъектности данных центров как акторов мировой истории) и направлена на их – ресурсов – получение (завоевание). Первым и важнейшим таким ресурсом, несомненно, является собственно территория – не случайно и сегодня главнейшей целью экстерриториальных субъектов геополитики является установление контроля над территорией (что, по сути, мало чем отличается от оформления территориальной власти, например, в XIII–XIV вв.), а акторов вне суверенитета – обретение такового в максимально широко очерченных территориальных границах.

Весьма существенным геополитическим ресурсом – и движущей силой геополитических проектов – здесь оказывается территория как ноумен, будь то «мифы о пространстве» или то, что Дж. Эгнью называл «пространственным контекстом»[3], понимая под таковым «эффект места», являющийся отражением исторических, экономических и иных особенностей места и его взаимосвязей с миром и обусловливающий «пространственное распределение политических процессов». Конструирование исторического (и геополитического) будущего, таким образом, оказывается одновременно и проектом перераспределения ресурсов, и изменением пространственного контекста.

Несомненно, именно особый «пространственный контекст» России как минимум раз в столетие оказывался вожделенной целью и камнем преткновения европейских держав – так же, как для самой России таким камнем преткновения оказывался «пространственный контекст» ее границ с такими своими соседями, как Польша и Турция, а с рубежа XIX–XX вв. – и государства Дальнего Востока.

На страницах нового номера журнала различные аспекты российско-франко-польско-турецкого (а также российско-японского и российско-германского) «пространственного контекста» поднимаются в статьях А.В. Рачинского («Александр I и Наполеон в первой глобальной войне»), А. Давтян-Иоакимиди («Иоаннис Каподистрия и греческий фактор в наполеоновских войнах»), В.П. Зимонина («Интриги кануна Второй мировой: японский и польский факторы советско-германских отношений»), а также в комментарии О.Н. Тыняновой и И.А. Калашникова к текстам русско-прусской и русско-австрийской Петербургских конвенций 1772 г. («Первый раздел Польши в фокусе геополитического анализа»). С не меньшей очевидностью вырисовывается аналогичный пространственный – и цивилизационный – контекст и в статье С.Г. Геворкяна («Древняя Армения и эллинистический мир»).

И здесь возникает небезынтересный и весьма острый вопрос – вопрос о том, что, помимо, разумеется, земли как территории и Земли как планеты (и, соответственно, полезных ископаемых ее недр) является ресурсом и для цивилизации в собственном смысле слова – как локального (локализованного во времени и пространстве) общества, в широком смысле – как человеческой цивилизации на Земле.

Несомненно, техногенная цивилизация будет нуждаться во все новых и новых возобновляемых и невозобновляемых природных ресурсах (прежде всего энергетических и способных обеспечить жизнеспособность национальных экономик в случае крушения Бреттон-Вудской системы, а также связанных с престижным потреблением), что делает и знание об их природе столь же значимым ресурсом («Природные соляно-нафтидные узлы – глобальные центры надежд и угроз (на примере бассейна Мексиканского залива)» Г.А. Беленицкой и «Происхождение алмаза и его ги-

---

[1] См., напр.: Атлас временных вариаций природных, антропогенных и социальных процессов. Т. 2: Циклическая динамика в природе и обществе. М.: Науч. Мир, 1998; Т. 3: Природные и социальные сферы как части окружающей среды и как объекты воздействий. М.: Янус-К, 2002; Т. 4: Человек и три окружающие его среды. М.: Светоч Плюс, 2009.

Atlas vremennykh variatsii prirodnykh, antropogennykh i sotsial'nykh protsessov. T. 2: Tsiklicheskaya dinamika v prirode i obshchestve. Nauch. Mir, Moskva, 1998; T. 3: Prirodnye i sotsial'nye sfery kak chasti okruzhayushchei sredy i kak ob"ekty vozdeistvii. Yanus-K, Moskva, 2002; T. 4: Chelovek i tri okruzhayushchie ego sredy. Svetoch Plyus, Moskva, 2009.

[2] Косарев А.Ф. Философия мифа: мифология и ее эвристическая значимость. М.:ПЕР СЭ, 2000. С. 212.

Kosarev A.F. (2000). Filosofiya mifa: mifologiya i ee evristicheskaya znachimost'. PER SE, Moskva. P. 212.

[3] Agnew J. Place and Politics: The Geographical Mediation of State and Society. L., 1987.

гантских кристаллов» академика РАН А.А. Маракушева). Именно эти ресурсы и контроль над ними традиционно являлись и остаются основой силы государств и цивилизаций – в той мере, в какой способны обеспечивать возможности их экономических и финансовых систем и, что немаловажно, в какой мере управление данными системами способно распоряжаться соответствующими ресурсами («Военное хозяйство Русской армии в Отечественной войне 1812 года» П.И. Вещикова и «О применении конструкции «жадной суммы» к теориям денег и оптимального управления. Часть 1. Проблематика конструктивного определения денег» Е.В. Мелокумова).

Так, в связи с темой эффективного управления возникает и проблема безопасности как значимого ресурса цивилизации – и, соответственно, адекватного знания о потенциальных и реальных природных, техногенных и социальных угрозах безопасности, т.е., по сути, о природе соответствующих процессов («Системные свойства геологической среды. Структура временных потоков и критические рубежи в эволюции геосистем» Ю.Г. Кутинова и З.Б. Чистовой, «Пространственная дифференциация геологической среды – основа единой системы экзогенных геологических процессов» В.Л. Познанина, «Июльские наводнения. Озоновый слой и погодные аномалии первой половины лета 2012 г.» В.Л. Сывороткина), а также о возможностях и пределах их регулирования («Модели противодействия терроризму: обзор» В.В. Шумова, «Действие чрезвычайного режима как время ограничения прав человека на определенной территории» А.Н. Померляна, «Несколько уроков из истории развития французского республиканизма» П.С. Каневского). В конце XVIII в. стремительное изменение европейского «пространственного контекста» под действием революционного (Великой французской революции) и консервативного (разделов Польши) прагматизма, вызвало к жизни трактат «К вечному миру» И. Канта. В начале XXI в. столь же стремительное изменение «пространственного контекста» глобализующегося мира потребовало переосмысления как основных идей этой оказавшейся остро современной кантовской работы («Иммануил Кант и современные проблемы международных отношений» В.И. Дашичева и «Дилемма Канта – его “мировое государство”. Как можно представить себе сегодня мировое сообщество?» профессора берлинского Свободного университета Г. Вагнера), так и всей системы представлений об окружающем мире («Становление глобального мышления: пространственно-временной ракурс» академика АН Молдовы А.Д. Урсула и «Философия науки: имеющаяся и необходимая. Часть 1. Философия науки без… философии» В.К. Батурина).

И здесь оказалось, что весьма значимым ресурсом является и сама по себе ноуменальная сторона исторического процесса: сегодня для всех его участников очевидно, что в XXI в. конструирование будущего (в т.ч. и будущего «пространственного контекста») осуществляется путем «конструирования прошлого», его идей и смыслов («Смутная война двенадцатого года: истоки и перспективы» Е.А. Ходаковского). Оказалось, что в истории (и в геополитике) невозможно, как о том мечтал Ф. Бродель[1], в полной мере уйти нарратива (повествования), заменив его «проблемой». «Демистификация» исторического факта усилиями «творческой активности историка» породила новые мифы, точнее, новые редакции старых мифов, быстро взятых «на вооружение» геополитиками-практиками, – при этом одновременно выяснилось, что «пространственный контекст» есть одновременно и «пространственный текст», который может быть переписан. Вспомним в этой связи замечание В.Л. Цымбурского о том, что создать новый, работающий в истории геополитический образ – все равно, что создать пословицу, которая «воссоздавала бы некий ход развития обстоятельств и предлагала для них свою рекомендацию»[2]. Вспомним и тезис известного итальянского слависта В. Страды: Россия есть текст, непрерывно строящийся внутри меняющегося контекста и во взаимодействии с ним[3], – свидетельством чему, в частности, является гимн как форма выражения национальной идеи («Государственный гимн как феномен государственной символики: к вопросу о русской национальной идее» академика РАН Е.П. Челышева). Попытки «переписать» Россию «как текст» начинаются с ее истории и заканчиваются геополитическим кодом (упомянутая статья Е.А. Ходаковского) – и вот уже Москва – не «Третий Рим» (которому, даже сожженному вражеским войском, как это было и в 1612, и в 1812 гг., не приходит – не может прийти – на смену «четвертый»), а «Град в странствии», – но не в царство Божие, а на пути в «новую Европу»... История, писал немецкий беллетрист З. Графф, это политика, которую уже нельзя исправить; политика – это история, которую еще можно исправить. Геополитика современных центров силы – это «конструирование желаемого прошлого», оправдание собственных ошибок и дезавуирование чужих успехов в формировании «пространственного контекста».

«Внутри меняющегося контекста и во взаимодействии с ним» оказываются и базовые, с точки зрения управления национальной безопасностью, понятия («Диалектика двойных стандартов и международный терроризм как инструмент обеспечения “жизненно важных интересов” государств» В.И. Боярского и «Партизанская война и терроризм: к прояснению сущности понятий» В.В. Кафтана) – и, конечно же, образование, этот важнейший геостратегический ресурс цивилизации («Тезисы о состоянии военного профессионального образования в России и основных подходах к его строительству» А.И. Владимирова, «Управление образованием: особенности принятия решений в системе конкурсного отбора» Г.В. Сориной, «Образовательные выставки как инструмент инклюзивного образования» И.В. Ануфриевой, А.Ю. Сгибовой, А.В. Макаровой).

Согласимся с А.С. Панариным: «Грядущее будущее не нейтрально, а входит в сферу культурно-смысловых значений, в основе которых лежит *мотивация ответа*»[4]. Сегодня от состояния такого универсального ресурса, как культурно-смысловые значения и гуманитарного, и естественнонаучного знания, равно конструирующих прошлое и будущее, зависит не только мотивация ответа, но и будущий «пространственный контекст», а с ним – и будущее цивилизации.

О.Н. Тынянова, главный редактор

---

[1] См., напр.: Бродель Ф. Структуры повседневности: возможное и невозможное. М.: Прогресс, 1986.
Brodel' F. (1986). Struktury povsednevnosti: vozmozhnoe i nevozmozhnoe. Progress, Moskva.

[2] Цымбурский В.Л. Хэлфорд Макиндер: трилогия хартленда и призвание геополитика // Космополис. 2002. № 2(16). С. 26–55.
Tsymburskii V.L. (2002). Khelford Makinder: trilogiya khartlenda i prizvanie geopolitika. Kosmopolis. N 2(16). Pp. 26–55.

[3] Страда В. Пространство, время, ментальность // Академические тетради. 1995. № 1. С. 64.
Strada V. (1995). Prostranstvo, vremya, mental'nost'. Akademicheskie tetradi. N 1. P. 64.

[4] Панарин А.С. Глобальное прогнозирование в условиях стратегической нестабильности. М.: УРСС, 1999. С. 32. (Курсив автора).
Panarin A.S. (1999). Global'noe prognozirovanie v usloviyakh strategicheskoi nestabil'nosti. URSS, Moskva. S. 32.